

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС НАУКИ И НОВЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УЧЁНОГО

Плюснин Ю.М.

Лаборатория анализа развития науки Объединённый институт истории, филологии и философии
Сибирское отделение Российской академии наук (г. Новосибирск)

В последние десятилетие-два стала расхожей тема кризиса науки. Обычно имеется в виду теоретико-познавательный кризис естествознания (чрезмерная реляционность социальных и гуманитарных наук всегда заставляет откладывать их рассмотрение на «потом»). В то же самое время тема кризиса науки как социального института обсуждается мало. И даже теперь, когда мы наблюдаем, как общество всё более отворачивается от науки, ещё недавно вознесённой на вершины социального престижа, мы всё ещё склонны рассматривать этот процесс временным и обратимым, а причины его искать в общем экономическом и политическом кризисе в стране. Так ли это?

Позиция, что происходит не только познавательный, но и институциональный кризис науки, к сожалению, представляется мне более реалистичной. Конечно, на первый взгляд, это кажется слишком поспешным процессом. Едва утвердившись к концу 19 в. в качестве полноправного социального института, а к середине 20 в. окончательно укрепив свои общественные позиции, институт науки всего через 50 лет обнаружил в своём вполне благополучном развитии некие новые пятна, угрожающе похожие на признаки деградации и возможного разрушения. Но, может быть, это преждевременное беспокойство и страхи необоснованны? Экономические трудности будут преодолены, а вместе с тем исчезнут и проблемы научного сообщества, которые замедлили поступательный до того прогресс? Как бы ни так! Мы должны признать, что наблюдаем не только внешние по отношению к институту науки признаки инволюционного развития, но и признаки внутренней трансформации, происходящей в самом теле научного сообщества. Их уже нельзя классифицировать как обратимые адаптации. Это **метаморфозы**: научное сообщество приобретает всё более отчётливые новые формы, которые указывают на то, что под ними скрывается и новый образ.

Не являемся ли мы очевидцами рождения новой науки, по крайней мере, в каких-то новых институциональных формах? Ответ, по-видимому, скорее положительный, чем отрицательный. В таком случае, необходимо ответить на вопросы, в каких мировоззренческих и поведенческих формах проявляются изменения, и каков абрис возможного нового социального облика науки? Обсуждение этих вопросов в данной работе я ограничу только одним аспектом изменений: проблемой трансформации социально-профессиональных ценностных установок в сообществе учёных. Я полагаю, что именно эти изменения являются пусковым механизмом для более инерционных институциональных трансформаций.

Внешними признаками институционально укоренённой науки могут служить позиции, которые занимают в обществе члены профессионального научного сообщества. По крайней мере пять таких признаков свидетельствовали о высоком статусе науки в нашем обществе ещё десятилетие назад: 1) высокий – и активно поддерживаемый – престиж профессии учёного в глазах большинства общества; 2) экономическая обеспеченность представителей научных профессий; 3) высокий социальный статус учёных; 4) участие учёных в управлении обществом – доступ если не к рычагам власти, то к рычагам влияния на власть; 5) чрезвычайно возросший мировоззренческий и идеологи-

ческий авторитет научного знания, заместившего собой авторитеты «Неба», «Земли» и «Царства» (институтов церкви, локального социального «мира» и государства). Другими словами, сообщество профессиональных учёных располагалось в элитном страте общества. В результате, поскольку высокий статус социально-профессиональной группы предполагает и вектор интенсивной вертикальной социальной мобильности, были созданы надёжные «фильтры» социально-профессионального отбора и механизмы контроля и регуляции.

Экспликация системы профессиональных и социальных ценностей в первую очередь указывает на принадлежность человека к конкретной страте. Чтобы удовлетворить требованиям социального института, относящегося к элитной страте, члены научного сообщества должны принимать и разделять как социально-инвариантные ценности, сложившиеся в процессе институционального развития современного естествознания, так и привнесённые извне идеологически мотивированные ценности конкретного общества. Если разложить систему ценностей на подгруппы институциональных, профессиональных, социальных и индивидуальных, то в каждой из них можно было указать на главные ценности, определяющие установки и поведение учёного, причисляющего себя к мировому научному сообществу. С моей точки зрения, критически важными ценностями сообщества, каким оно сложилось к середине 20 в., являются сциентизм и самоценность науки и научной деятельности, принцип полного самопожертвования ради науки, методологический и познавательный корпоративизм, примат внутренней экспертизы достоверности научного знания.

Эти ценностные принципы, в совокупности с другими принципами (прежде всего организационными, законодательно заложенными в фундамент института науки в первые 20 лет Советской власти, и идеологическими, среди которых определяющим стал принцип *Пользы* для общества в лице государства, но не декларируемый принцип *Истины*), в решающей степени способствовали развитию социального института науки в нашей стране по тому самому пути, который когда-то давно наметил для науки Ф. Бэкон в качестве идеального. Это формирование замкнутого элитного страта – научного Ордена, или Гильдии учёных. В соответствии с ними были сориентированы поведенческие и психологические стереотипы членов научного сообщества. Сформировались установки и психология, которую можно было бы назвать *цеховой* (вкладывая в это понятие позитивный смысл, заключающийся прежде всего в беззаветной верности профессии, концентрации на деятельности по «производству научного знания», ориентации на внутренние, а не на внешние критерии признания профессиональных достижений, замкнутость социально-профессиональной жизни рамками своей страты) [1]. Эта цеховая психология и репрезентирующие её ценностные установки замкнутой Гильдии учёных, а также соответствующие модели поведения были воплощены в идее *наукоградов* (и *primus inter pares* в этом, теперь уже длинном ряду, – наш новосибирский Академгородок), где они и получили максимально полное развитие. (Может быть, поэтому нам так трудно оценивать метаморфозы своего развития, глядя на этот процесс изнутри? – вечный вопрос о том, насколько представляет гусеница бабочки свою окончательную форму?)

Разразившийся в стране системный кризис 90-х годов крайне болезненно сказался на институте науки. И дело даже не в общеизвестных экономических трудностях и потерях, а в изменении глобальных ориентиров. Государство в союзе со всем обществом быстро и радикально изменили целевые установки в отношении науки. Элитный статус этого социального института стал быстро понижаться (а акции в СМИ и волна паранаучной активности сильно способствовали ускорению падения). Приходится признать, что менее чем за десятилетие наука покинула элитный страт общества. По всем основ-

ным признакам произошло быстрое перемещение института науки в нижние слои социальной структуры: упал престиж профессии учёного, резко снизился его социальный статус, произошла экономическая пауперизация учёных, сократилось до минимума их участие во власти и возможности влияния на управление обществом.

И одновременно с этим мы наблюдаем трансформацию ценностных установок в научном сообществе. Хотя при этом нельзя говорить о массовом одностороннем смещении социально-профессиональных ценностей; трансформационный процесс идёт в двух несмежных направлениях. В одном случае это «размывание» ценностных установок классической науки, сопровождающееся маргинализацией части научного сообщества. Во втором – речь должна идти уже о «ценностном расщеплении» – раздвоении некогда монолитного научного сообщества на ощутимо разные части. Части, в явной форме демонстрирующие приверженность разным, если не полярным, ценностным установкам и, возможно, разной идеологии. Я имею в виду прежде всего зафиксированные мною в 1996 г. в сообществе учёных Новосибирского научного центра СО РАН феномен маргинальных ценностных установок «лишних людей в науке» [2] и полученные в последнее время данные о расщеплении системы ценностных установок учёных на классические «цеховые» и неклассические «презентационные» [1].

В случае процесса маргинализации ценностных установок в академическом научном сообществе сформировалась и стабилизировалась достаточно значительная (до 15 % и более) группа, которая по своим профессиональным, социальным и мировоззренческим установкам во многом противостоит той – всё ещё преобладающей по численности (более ½) – группе учёных, которые разделяют ценности *классической* науки и образуют ядро профессионального академического сообщества. «Лишние люди в науке» - это те, кто сам себя признаёт, если не по профессиональным, то по мировоззренческим и смысло-жизненным критериям, непригодным к деятельности в науке, по крайней мере в тех её организационных формах, которые имплицитно считаются классическими. Этот феномен, по-видимому, распространён повсеместно: «лишними людьми» «заражены» все академические сообщества – от Санкт-Петербурга и Новосибирска до Томска и Хабаровска. При этом в течение всей второй половины 90-х годов и вплоть до 2002 г. маргинальная группа в научном сообществе остаётся стабильной; несмотря на то, что учёные, причисляющие себя к ней, уже не разделяют установок классической науки, но и не покидают её. И процентное соотношение групп «истинных» учёных и «лишних людей» в составе академического сообщества не изменяется. В простейшем случае всё это свидетельствует о том, что часть научного сообщества устойчиво изменила свои профессиональные ценностные установки, а само это сообщество уже перестало быть *классическим* в прежнем смысле слова. В нашем научном сообществе теперь существует «пятая колонна» – люди, открыто признающие себя маргиналами в науке, по крайней мере в том смысле, что они уже не уверены в необходимости идти по проложенному когда-то столбовому пути.

Но помимо этого, не столь явного деструктивного процесса – именно потому, что он не разрушает, а размывает внутреннее мотивационное и социальное единство профессионального сообщества – мы становимся свидетелями и начинающего набирать силы ещё одного феномена в области социальной психологии и ценностных установок учёных. В данном случае формируется и набирает силу новый стиль поведения (и соответствующие установки) в рамках самого научного сообщества. Учёный продолжает признавать себя полноправным членом сообщества, но при этом он действует в соответствии с новыми принципами и ценностными установками, тем самым, задавая и формируя новый образ науки как социального института. Происходит процесс формирования *нового идеального типа* учёного. Ему соответствует и новый стиль профессио-

нального поведения учёного: если раньше образцом классического учёного является деятельность по «поиску и производству нового знания», а, следовательно, основной продукцией является научная статья, то теперь для части академических учёных (часть эта в академическом сообществе уже никак не меньше 5 %), возможно, не менее важным становится презентация полученных новых знаний, успешность которой зависит не только от оценки профессионального сообщества, но и от публичной реакции. И именно публичная реакция является целью новой основной продукции такого учёного – представления для публики. Суть смены ценностных и поведенческих установок состоит в переходе части учёных из лагеря «цеховиков» в лагерь «презентаторов», шоу-учёных. Следовательно, происходит (или уже произошло) *расщепление, бифуркация* научного сообщества: те, кто продолжает сохранять прежние ценности науки, живёт и работает в соответствии с ними, считая себя *полноценными* людьми науки, обнаруживают рядом с собой не менее полноценных и убеждённых в своих самооценках учёных, но работающих в *другой* науке, имея другие цели, ценностные установки и поведение.

Новый стиль поведения учёного генетически связан уже не столько с процессом производства научного знания, как это имеет место для типа классического учёного, сколько с продуманными и вариативными процедурами предъявления этого знания обществу. Изменился ключевой (целевой) признак, являющийся стержнем, вокруг которого выстраивается и научный этос и принципы научной карьеры учёного. «Производство научного знания» из цели профессиональной деятельности переходит в разряд её средств, а целью становится презентация продуктов научного знания профанам – обществу и его значимым (для научного сообщества) представителям. Следовательно, в сознании учёного место исходных целей классической науки заступают другие. Если первые – корпоративные, внутринаучные (поиск и добыча знания, имеющего самоценный статус), то вторые – внешние, связанные определяющим действием социальных факторов. Не наблюдаем ли мы здесь побочные результаты чрезмерно далеко зашедшего процесса дифференциации научной профессии, когда её дериватные формы начинают приобретать институциональные признаки? Или мы просто зафиксировали увеличение в научной среде числа тех учёных, которые добровольно избирают для себя роль, подобную пресловутой роли «бульдога Дарвина», сделавшей Э. Геккеля на длительное время более знаменитой личностью, чем его узкоспециальные исследования, даже в профессиональном сообществе? По-видимому, ни то, ни другое в чистом виде, поскольку это – лишь признаки формирования новой системы ценностей как ключевой для самой науки, а не для её периферии.

Различение должно относиться как к целям профессиональной деятельности учёного, так и к способам достижения этих целей (инструментальным, внутрипрофессиональным и социальным), а также к представлениям самого носителя данного типа об индивидуальных качествах, необходимых ему для соответствия выбранному образцу, а также о поведенческом паттерне, которому необходимо следовать, чтобы удовлетворять ценностным ожиданиям сообщества. В рамках заданного различения классический тип поведения в науке, как ориентированный преимущественно на соответствие внутринаучным образцам и стандартам, может быть определён как *цеховой*, а носитель его – как безусловно разделяющий идеологию и этические принципы *Гильдии учёных*, или *научного Цеха* (в смысле, близком тому, который имеет в виду П.П. Гайденко, обсуждая институциональные признаки классического сообщества учёных [3]). Второй тип поведения может быть описан весьма грубо в терминах *презентатора*, или *шоу-учёного*, для которого в его научной деятельности более важной является внешняя (второстепенная с классической точки зрения) сторона профессионального поведения – презентация полученного знания.

В конечном счёте, однако, оба типа поведения, какие бы жизненные цели не ставили перед собой их носители, преследуют один результат: получить средства к существованию за счёт науки. В первом, *классическом* случае, это достигается опосредованно, с использованием уже созданных институциональных структур, связывающих учёного с внешним миром и источниками ресурсов в том виде, как они сложились к середине 20 века и с той системой защиты, которая с тех пор предохраняет учёного не только от экономических рисков внешнего мира, но и от необходимости самостоятельного ценностного выбора. При втором, *презентационном* стиле поведения, необходимые ресурсы добываются непосредственно самим учёным, путём организации и проведения специализированного шоу, за которое удовлетворённая публика склонна платить как за спектакль. (Надо сказать, что когда в роли публики выступает государство, платить оно склонно за избавление от страхов, которые напускают на них те же самые люди, что занимаются и избавлением – эдакая контаминация с ролью психоаналитика.) При выборе второго типа профессионального поведения цели производства научного знания могут сохранять самое важное значение, но на первый план всё-таки выдвигается именно презентация полученного знания, поскольку только она позволяет учёному обеспечить финансовыми средствами свой научный поиск в будущем. Именно в связи с этим можно предполагать, что достаточное распространение презентационного стиля научного поведения в научных сообществах США и Западной Европы по сравнению с весьма робкими его проявлениями в нашей науке обязано распространению таких институциональных форм как научные фонды и грантовое финансирование, сравнительно новых для отечественной науки (несмотря на только что отмеченное десятилетие создания РФФИ).

Можно представить некоторые дифференцирующие признаки цехового и презентационного типов профессионального поведения учёного. Для цехового учёного характерны отношение к науке как к важнейшему общественному институту, призванному со временем решить все основные проблемы человечества, крайний сциентизм и техницизм, позитивизм, вера в научно-технический прогресс, который указывает вектор развития социального прогресса. Рост научного знания для него есть отражение прогресса общества, а производство научного знания и на его основе установление законов природы – цель науки. Научное сообщество – полузакрытая (защищенная сложной системой фильтров) профессиональная организация – Цех или Гильдия – доступ в которую требует длительной специальной подготовки, личного участия наставника, преданности выбранной профессии в течение всей жизни. Ещё в университете (а нередко даже раньше) он должен выбрать себе научную специальность и оставаться верным ей навсегда. Лучше, если и его дети и внуки пойдут по его стопам, создав, таким образом, научную династию. Сохраняя верность своему Цеху, учёный имеет больше шансов сделать успешную научную карьеру, приобрести звания, известность, влияние, возможно, власть.

Для презентационного типа поведения характерны релятивизм и социальный оптимизм. Учёный сомневается во всемогущести науки и её способности неуклонно вести человечество в светлое будущее. Он обнаруживает, что чрезмерная приверженность одной идее и одной теме превращает человека в фанатика дела, лишённого способности к приспособлению. Диверсификация источников ресурсов в многополярном экономическом пространстве предоставляет ему тем больше шансов на успех, чем лучше он организует и предъявит тот фокус, который называется «новое научное знание». Чем зрелищнее, эмоциональнее, убедительнее вы представите результаты своей работы, тем больше шансов получить дополнительные ресурсы, не только в денежной форме, но и в форме влияния и приближенности к власти. Эти дополнительные ресурсы по принципу

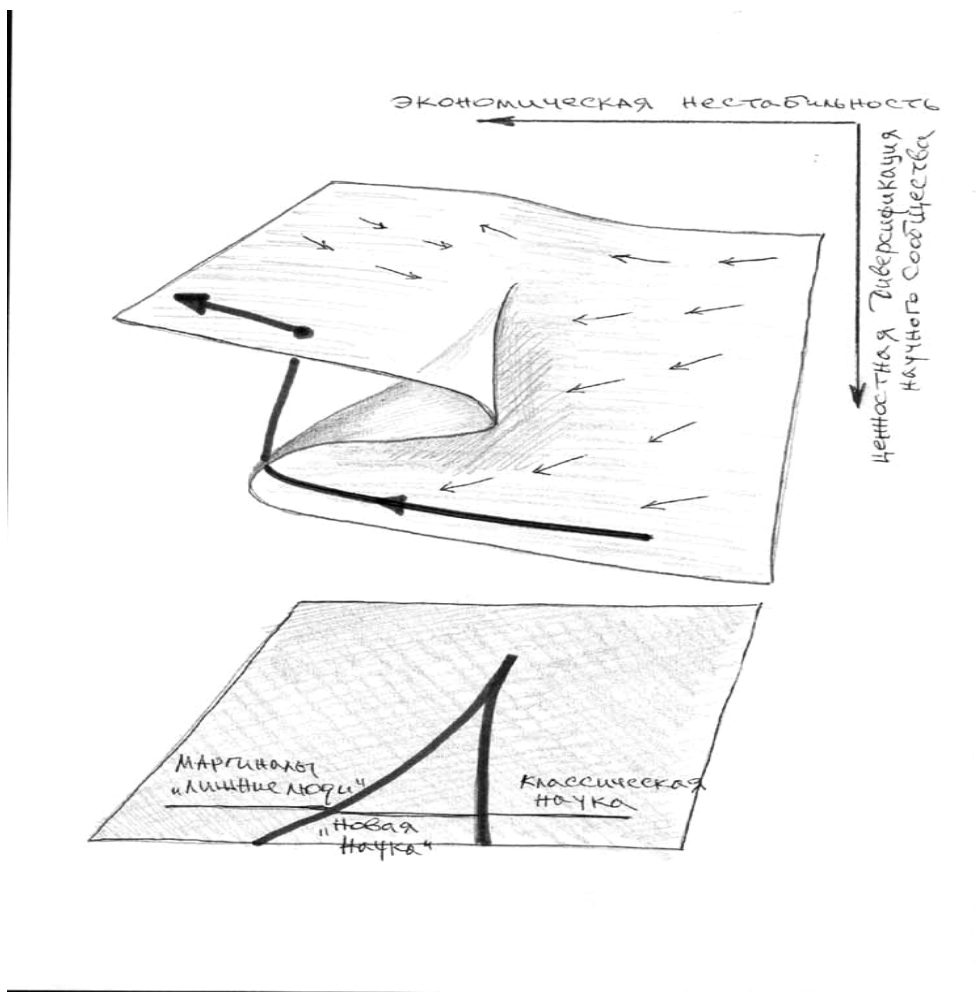
положительной обратной связи приносят ещё больше влияния и денег, так что к концу своей презентационной карьеры вы можете совсем забыть про такую вещь, как «производство научного знания».

Предлагаемая типология научного поведения должна базироваться не только на институциональных критериях, но также на социальных критериях, которые могут рассматриваться частью как факторы, частью как дискриминанты профессионального поведения учёного. В этом смысле типологически она оказывается родственной типологиям *социального характера* Д. Рисмена или *ценностного выбора* Р. Инглехарта. Действительно, можно провести определенную аналогию между *цеховым* стилем в науке и *ориентированным-на-себя индустриальным* типом социального характера по классификации Рисмена, или *материалистическим* типом ценностного выбора Инглехарта. *Презентационному* стилю более соответствует *ориентированный-на-других модернистский* тип социального характера и *постматериалистический* тип ценностного выбора. Целый ряд социальных установок, отражающих отношение человека к своему окружению, работе, различным социальным, экономическим и политическим институтам, оказывается сходным в первом, втором и третьем случаях типологических различий. Это говорит о том, что за фасадом профессиональных установок и стилей поведения стоят более широкие мировоззренческие подходы.

Описанная картина дизруптивного процесса ценностных трансформаций академического научного сообщества легко представима в катастрофической модели (см. рисунок). Заданные в такой модели в качестве обобщённых факторов параметры «экономической нестабильности» и «ценностной диверсификации научного сообщества» ответственны за сдвиг части сообщества в маргинальную зону (в случае первого фактора нестабильности) и развитию катастрофы «складки» при переходе от классического «цехового» типа к «презентационному» (во втором случае ценностной диверсификации). Это, если угодно, бунт на академическом судне.

Столь утрированные образы двух типов учёных понадобились мне для более отчётливой формулировки заключительного вывода. Наблюдаемый процесс размывания и маргинализации научного сообщества (переход части учёных в статус «лишних людей» при сохранении значительного ядра «настоящих учёных») – не столь опасный для классической науки процесс по сравнению со вторым – процессом внутреннего расщепления сообщества, его раскола на две по-разному ценностно-ориентированные группы. Это уже признаки становления новой науки. Не *неклассической* науки, а Науки-для-Публики (или *эстрадной* науки). Признаки её приближения достаточно отчётливы. Они зафиксированы уже не только в примерах перехода части учёных на новые ценностные социально-профессиональные позиции, но и в той всё накаляющейся борьбе, которую классическая наука (прежде всего в лице Российской академии наук) вынуждена вести на широком фронте с «ненаучными сорняками» - псевдо- квази- и пара-наукой, которые пока ещё апеллируют к её авторитету как классической науки.

Совсем в недалёком будущем мы можем получить две разные науки, в равной степени претендующие на внимание и поддержку общества и государства, в равной степени демонстрирующие свою способность решать проблемы, предвидеть и преодолевать надвигающиеся угрозы (неважно, реальные или мнимые). Основанием различия между ними будут только разные социально-профессиональные ценностные установки учёных (а в некоторых случаях – и, легко адаптируемые лабильные установки). Но долго ли продлится такое внутриинституциональное расщеплённое состояние, или говоря научным языком состояние бифуркации?

Благодарности

Я признателен к.филос.н. Н.Н. Семёновой и д.ф.-м.н. проф. Ю.И. Кулакову за плодотворное и заинтересованное обсуждение данной работы, сделанные замечания и комментарии. Текст подготовлен в рамках работы по исследовательским проектам Российского гуманитарного научного фонда «Влияние формирования демократических институтов на развитие академической науки в России и на Западе (опыт сравнения)» (грант № 02-03-18285а), «Региональные научные центры: условия выживания и жизнедеятельности, факторы стабилизации и самоорганизации» (грант № 01-03-00152а), «Социально-психологические и организационные факторы в развитии академической и вузовской науки Западной Сибири» (03-03-18020е), а также Российского фонда фундаментальных исследований «Наука в ценностном измерении» (грант № 02-06-80481а).

Литература

1. Плюснин Ю.М. Цеховая психология учёного, или О верности однажды выбранной специальности // Науковедение. – М., 2003. – С. 101-110.
2. Плюснин Ю.М. «Лишние люди» в науке. Опыт социально-психологического расследования // Науковедение. – М., 1999. – С. 7-19.
3. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки (XVII-XVIII вв.). – М., 1987. – 447 с.